

С. Киёсава (Саппоро)

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ
«БЕЛОРУССКОЙ ГРАММАТИКИ ДЛЯ ШКОЛ»
Б. ТАРАШКЕВИЧА
В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА***

1. Введение

«Белорусская грамматика для школ» (*Беларуская граматыка для школ*)¹, написанная белорусским филологом и переводчиком

---

* Данное исследование является частью проекта *Сравнительное исследование по формированию престижа национальных языков в Беларуси и Украине* при финансовой поддержке JSPS (Japan Society for the Promotion of Science, номер гранта: 18J00650).

¹ (Тарашкевіч 1918). Языковая норма современного белорусского языка, предложенная в данной книге и принятая де-факто официальной нормой среди белорусов до реформы белорусского правописания 1933 г., проведенной постановлением СНК БССР. Вариант этой нормы сейчас называется *тарашкевица* (*тарашкевіца*) в честь автора книги, Б. Тарашкевича. Этим же термином также называют и вариант белорусской орфографии до 1933 г.

Брониславом Адамовичем Тарашкевичем (1892–1938)² и изданная в Вильне (в настоящее время г. Вильнюс, столица Литвы) в 1918 г., вошла в историю как «работа, в которой впервые были определены правописные и грамматические нормы современного белорусского языка»³ (Шакун 1994: 81). Она также «была высоко оценена специалистами, несколько раз переиздавалась и сыграла исключительно большую роль в нормализации белорусского литературного языка»⁴ (Германовіч 1994: 558). Данная книга является, безусловно, важной работой, которую следует назвать вехой в истории современного белорусского литературного языка как в практическом, так и в символическом плане.

Однако в последнее время бытует мнение о том, что роль Тарашкевича в установлении нормы белорусского языка была не так значительна, т. к. он писал свою грамматику в годы, когда основные грамматические нормы и орфографические правила уже сложились стихийным путем (Запрудскі 2008: 73). Иначе говоря, процесс создания белорусской нормативной грамматики невозможно рассматривать как языковой проект одного конкретного основателя литературной нормы. По этой причине можно сказать, что вопрос о роли «Белорусской грамматики для школ» Б. Тарашкевича в процессе становления белорусского

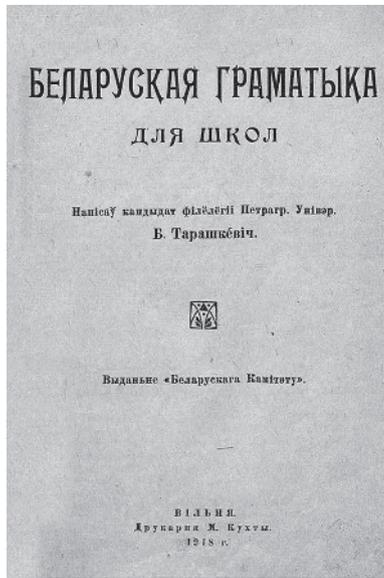
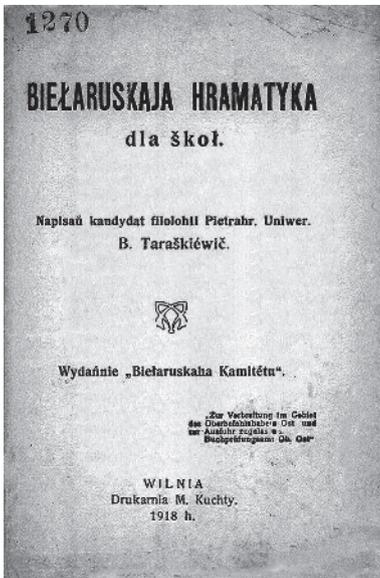
² Бронислав (Адамович) Тарашкевич (1892–1938) — видный белорусский филолог, переводчик, общественный и политический деятель, публицист. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета в 1916 г. Научным руководителем Б. Тарашкевича был академик Алексей Шахматов. В 1921–1922 гг. директор Виленской белорусской гимназии. В 1937 г. арестован и осужден по бесосновательному обвинению в шпионской деятельности в пользу Польши. Расстрелян в 1938 г. в Минске. Позже, в 1957 г., реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР (Германовіч 1994: 558–559, Токарев 1992: 104–106).

³ праца, у якой упершыню былі вызначаны правапісныя і граматычныя нормы сучаснай беларускай мовы.

⁴ была высока ацэнена спецыялістамі, некалькі разоў перавыдавалася і адыграла выключна вялікую ролю ў нармалізацыі беларускай літаратурнай мовы.

литературного языка остается открытым для обсуждения и переосмысления.

Для рассмотрения вопроса составления белорусской нормативной грамматики необходимо обратить внимание на социолингвистическую ситуацию и социально-политическое положение белорусского народа в то время, когда Б. Тарашкевич создавал свою грамматику, и также проанализировать процесс обсуждения данной проблемы среди белорусской интеллигенции. Относительно социально-политического положения того времени важно отметить тот факт, что западная территория современной Беларуси и Вильна — центр белорусского национального движения в ходе военных действий в Первой мировой войне — были оккупированы германскими войсками. Известно, что во время немецкой оккупации были созданы благоприятные условия для развития белорусского литературного языка, т. к. немецкое управление поощряло использование родных языков всех народов оккупированных территорий.

Илл. 1. «Белорусская грамматика для школ» Б. Тарашкевича на латинице и кириллице

Что касается культурной политики (в том числе и языковой), проводимой среди белорусов в период немецкой оккупации в 1915–1918 гг., то стоит отметить, что по данной теме в последнее время были опубликованы более или менее подробные исследования белорусским историком Владимиром Ляховским (Ляхоўскі 2010) и австрийским славистом Германом Бидером (Bieder 2015). Тем не менее сам процесс обсуждения белорусской интеллигенцией вопроса составления белорусской грамматики в то время упоминается лишь фрагментарно. Также данная проблема в недостаточной мере рассмотрена и в основных трудах по истории белорусского литературного языка таких авторов, как Иван Крамко, Елена Юревич, Елена Янович (Крамко и др. 1968), Лев Шакун (Шакун 1984), Сергей Запрудский (Запрудскі 2015; 2017) и др.

В данной статье рассматривается своеобразная социолингвистическая ситуация, сложившаяся на территории проживания белорусов в начале XX в., на основе данных переписи населения Российской империи 1897 г., а также анализируется процесс обсуждения составления белорусской грамматики и орфографии во время немецкой оккупации 1915–1918 гг. на основе статей, касающихся данной проблемы, в белорусскоязычной газете «Гомон» (*Гоман / Нотан*)⁵, выходившей в оккупированной Вильне. Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, в заключение статьи автор предлагает свою позицию по вопросу значения и роли «Белорусской грамматики для школ» Б. Тарашкевича в процессе становления белорусского литературного языка.

---

⁵ «Гомон» (*Гоман / Нотан*) — белорусская общественно-политическая и литературная газета национально-демократического возрожденческого направления. Издавалась с 15 (28) февраля 1916 г. до конца 1918 г. в Вильне на белорусском языке с разрешения оккупационных германских властей. Выходила 2 раза в неделю, латиницей и кириллицей (с 1 сентября 1916 г.). Газета выступала за национально-культурное единство белорусского народа, независимую Белорусскую республику, которая могла бы входить на конфедеративной основе в возрожденное Великое княжество Литовское (Конан 1996: 60). Подробная информация о тираже и числе подписчиков газеты, к сожалению, не найдена.

2. Социолингвистическая ситуация на территории проживания белорусов в начале XX в.

2.1. Диглосная ситуация

Израильский лингвист Пол Векслер, который давно изучал историю нормализации белорусского языка, характеризует белорусскую языковую ситуацию с 1890-х до начала 1920-х гг. в терминах теории диглоссии (как представлено на схеме 1), обращая внимание на отношения между белорусским и русским (и польским) языками как на устном, так и на письменном уровне.

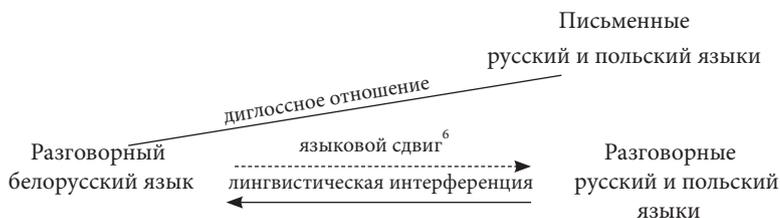

Схема 1. Языковая ситуация в Беларуси с 1890-х до начала 1920-х гг. (Wexler 1979: 506)⁷

⁶ Языковой сдвиг (*language shift*) — процесс, при котором носители одного языка переходят к использованию другого языка. Как указывает Сьюзен Ромейн, типичной является ситуация, когда сообщество носителей языка, которое однажды было одноязычным, сначала становится двуязычным в результате контакта с другой (обычно более влиятельной в обществе) группой, затем постепенно переходит на двуязычие, ориентированное на одноязычие нового языка (т. е. языка другой влиятельной группы). В конце концов такое языковое сообщество полностью покидает свой родной язык (Romaine 2001: 526–527).

⁷ Направление стрелки «языкового сдвига» указывает на ситуацию, в которой носители разговорного белорусского языка переходят к использованию разговорных русского и польского языков. Направление стрелки «лингвистической интерференции» указывает на ситуацию, в которой разговорный белорусский язык находится

Как показано на схеме, на территории тогдашней Беларуси существовала диглоссия⁸, где функцию письменного языка

под односторонним влиянием русского и польского языков. При этом П. Векслер на схеме изображает одну стрелку штрих-пунктирной линией, а другую — сплошной. Однако он не объясняет причину такого употребления разных стрелок.

- ⁸ Векслер здесь указывает на ситуацию, когда белорусский и русский (или белорусский и польский) языки выполняют разные функции (в частности, функции письменного языка и устной речи) в одном сообществе: как «внешняя диглоссия» (*external diglossia*) или «двуязычная диглоссия» (*bilingual diglossia*), и проводит отличие от ситуации, когда разные варианты (в частности, письменный и устный варианты) одного языка выполняют разные функции в одном сообществе, называя данную ситуацию «внутренняя диглоссия» (*internal diglossia*) или «одноязычная диглоссия» (*monolingual diglossia*) (Wexler 1979: 506). Первоначально Чарльз Фергюсон, предлагавший концепцию диглоссии в своей работе в 1959 г., определил концепцию диглоссии, обращая внимание на различие в функциях, выполняющихся стандартным вариантом и региональными диалектами одного языка (Ferguson 1959). Позднее Джошуа Фишман расширил определение понятия диглоссии, включив в него ситуацию, когда не только разные варианты одного языка, но различные языки выполняют разные функции в одном сообществе (Fishman 1967). Можно сказать, что Векслер принимает последнее определение диглоссии, т. е. диглоссии в широком смысле. Кроме того, Б. А. Успенский, применявший концепцию диглоссии к истории русского литературного языка, считает особенно важным своеобразием диглоссии «недопустимость применения книжного (литературного) языка как средства разговорного общения» (Успенский 1987: 17). С этой точки зрения Успенского, ситуация, когда один язык или один языковой вариант функционирует и как письменный язык, и как устная речь, не может рассматриваться как диглоссия. Однако возникает проблема, когда структурное различие между языком (или языковым вариантом), функционирующим как письменный язык, и языком (или языковым вариантом), функционирующим как устная речь, не столь значительно. В таком случае считается, что один и тот же язык (или языковой вариант) выполняет функции и письменного языка, и устной речи. Если бы в языковой ситуации в Беларуси, показанной на схеме 1, структурное различие между письменным русским (или польским) и разговорным русским (или польским) языками,

(т. е. высокого варианта, *high variety*) выполняли исключительно русский и польский языки, а белорусский язык функционировал только как устная речь (т. е. низкий вариант, *low variety*). Такая диглоссная ситуация создавала определенные трудности для сохранения культурно-языковой самобытности белорусского народа. По этой причине белорусские прескриптивисты в начале XX в. стремились заменить такую двуязычную диглоссию на одноязычную, при которой исключительно белорусский язык функционировал бы как письменный язык и устная речь (Wexler 1979: 481–482).

Однако описанная выше ситуация диглоссии, точнее, диглоссное отношение между разговорным белорусским и письменным русским (или письменным польским) языками, относилась не ко всем белорусам в равной степени, т. к. только (по крайней мере, теоретически) грамотная часть населения была причастна к функциональному распределению этих языковых вариантов в повседневной жизни. То есть для точного понимания языковой ситуации, сложившейся на белорусской этнической территории в начале XX в., следует учитывать и уровень грамотности тогдашнего белорусского народа.

2.2. Уровень грамотности белорусского народа

В таблице 1 показаны численность белорусов и их уровень грамотности в пяти губерниях Российской империи, территория которых более или менее совпадает с территорией современной Беларуси. Таблица составлена на основе данных переписи населения Российской империи 1897 г. Из данных, приведенных в таблице, видно, что в то время доля белорусов, владеющих письменным языком, была ограничена примерно 20% в Западной Беларуси и примерно 10% в Восточной Беларуси. То есть большинство тогдашних

или между письменным русским (или польским) и разговорным белорусским языками считалось не таким значительным, то было бы трудно рассматривать данную ситуацию как диглоссию. В связи с этим Векслер отмечает, что, когда структурные различия между языками (языковыми вариантами) недостаточно велики, сложно судить о точности использования термина «диглоссия» и часто приходится применять данный термин спонтанно, по ситуации (Wexler 1971: 336–337).

белорусов были неграмотными людьми, задачей которых являлось овладение письменностью.

Таблица 1. Уровень грамотности белорусов 1897 г.⁹

Губерния	Численность населения белорусов ¹⁰	В том числе грамотных белорусов ¹¹	Процент грамотных
Виленская губерния	891 903	203 228	22,7%
Гродненская губерния	705 045	161 231	22,8%
Минская губерния	1 633 091	174 923	10,7%
Витебская губерния	788 599	96 169	12,2%
Могилевская губерния	1 389 782	158 790	11,4%
Всего в 5 губерниях	5 408 420	794 341	14,7%

⁹ Источник: (Первая Всеобщая перепись... 1897. Вып. 4: 56–59, 76–79; Вып. 5: 76–79, 116–119; Вып. 11: 102–105, 146–148; Вып. 22: 80–83, 112–115; Вып. 23: 96–99, 132–135).

¹⁰ Здесь численность белорусов совпадает с численностью жителей, которые признают родным языком белорусский язык.

¹¹ Здесь численность грамотных белорусов представлена совокупностью численности белорусов, владеющих грамотой на русском языке и на других языках, а также белорусов, получивших образование выше начального. По данным переписи населения 1897 г., эти подгруппы грамотных белорусов представляются следующим образом: в Виленской губернии грамотными белорусами являлись 203 228 чел. — из них грамотой на русск. яз. владели 193 988 чел., на др. яз. — 0 чел., получившие образование выше начального составляли 9 240 чел.; в Гродненской губернии 161 231 чел. — из них грамотой на русск. яз. владели 108 732 чел., на др. яз. — 50 811 чел., получившие образование выше начального составляли 1 688 чел.; в Минской губернии 174 923 чел. — из них грамотой на русск. яз. владели 172 515 чел., на др. яз. — 0 чел., получившие образование выше начального составляли 1 530 чел.; в Витебской губернии 96 169 чел. — из них грамотой на русск. яз. владели 78 503 чел., на др. яз. — 16 136 чел., получившие образование выше начального составляли 1 530 чел.,

Учитывая вышеупомянутую диглоссную ситуацию, можно утверждать, что в процессе становления литературного белорусского языка в начале XX в. перед белорусской интеллигенцией стояли следующие две задачи: во-первых, побудить грамотных белорусов к использованию письменного (литературного) белорусского языка и осуществить языковой сдвиг от использования литературного русского или литературного польского к распространению литературного белорусского языка; во-вторых, способствовать овладению неграмотной частью населения письменным (литературным) белорусским языком и повысить уровень грамотности всех белорусов.

Таким образом, в процессе нормализации белорусского языка в начале XX в. требовалось создать норму белорусской грамматики и орфографии, которая будет принята не только грамотными, но и неграмотными белорусами.

2.3. Религиозная принадлежность белорусского народа

Для рассмотрения социолингвистической ситуации на территории проживания белорусов в начале XX в. не менее важным фактором, чем уровень грамотности, является и религиозная принадлежность белорусского народа. Как указывает Н. Мечковская, в славянском мире границы вероисповеданий соответствуют ареалам кириллического и латинского, а также глаголического письма (Мечковская 1998: 281). На территории Беларуси долгое время

в Могилевской губернии 158 790 чел. — из них грамотой на русск. яз. владели 154 394 чел., на др. яз. — 1 089 чел., получившие образование выше начального составляли 3 307 чел. (Первая Всеобщая перепись... 1897. Вып. 4: 76–79; Вып. 5: 116–119; Вып. 11: 146–148; Вып. 23: 132–135). Следует отметить, что в сведениях данной переписи населения численность грамотного населения на других языках неестественно мала и отсутствуют такие данные, как численность грамотного населения на двух или нескольких языках. Мы считаем, что правительство царской России, очевидно, намеренно включало в перепись прежде всего людей, владеющих письменностью на русском языке, и ставило задачу максимально представлять их количество. Поэтому, возможно, тогдашние грамотные белорусы, владеющие письменностью на русском и других (скорее всего польском) языках, были перечислены как население, владеющее грамотой только на русском языке.

существовали два вида письменности: кириллица, принятая в результате распространения православия, и латиница, принятая в результате распространения католицизма (Мечковская 1998: 281–282; Bunčić, Antipova 2016: 159–160). Такая историческая ситуация привела к тому, что белорусы могли выбирать между кириллическим письмом и латинским во время возрождения письменности на белорусском языке в XIX в.¹²

Таблица 2. Вероисповедание грамотных белорусов в 1897 г.¹³

Губерния	Численность населения грамотных белорусов	В том числе		
		Православные и единоверцы	Католики римского обряда	Другие
Виленская губерния	203 228	25,2%	74,4%	0,4%
Гродненская губерния	161 231	52,7%	46,9%	0,4%
Минская губерния	174 923	81,4%	18,4%	0,2%
Витебская губерния	96 169	72,7%	24,8%	2,5%
Могилевская губерния	158 790	95,7%	3,9%	0,4%
Всего в 5 губерниях	794 341	630%	36,4%	0,6%

В конце XIX в. белорусский народ был разделен на две группы с точки зрения вероисповедания: белорусы-православные — дав-

¹² Издательская деятельность на белорусском языке была официально разрешена царской Россией только в 1905 г., однако уже в XIX в. такие видные писатели белорусской литературы, как Винцент Дунин-Марцинкевич, Франциск Богушевич и др., начали писать свои произведения на белорусском языке, и считается, что формирование нового белорусского литературного языка происходило в течение XIX — начала XX в. (напр., Жураўскі, Прыгодзіч 1994: 150). Поэтому мы считаем, что возрождение белорусской письменности фактически началось уже в XIX в.

¹³ Источник: (Первая Всеобщая перепись... 1897. Вып. 4: 60–63, 76–79; Вып. 5: 80–83, 116–119; Вып. 11: 106–109, 146–148; Вып. 22: 84–87, 112–115; Вып. 23: 100–103, 132–135).

но знакомые с письменной традицией на кириллице, и белорусы-католики — давно знакомые с письменной традицией на латинице. Согласно переписи населения Российской империи 1897 г., большинство тогдашних белорусов, проживавших в пяти губерниях на территории Беларуси, являлись православными (81,1%), а католики составляли лишь 18,4% всего белорусского населения. Но если обратить внимание на белорусов, владевших грамотой и, бесспорно, оказывавших непосредственное влияние на развитие письменного белорусского языка, то, опираясь на данные, представленные в таблице 2, можно отметить, что доля белорусов-католиков среди них была немалой, особенно в западных губерниях белорусской территории, где начиналось национальное возрождение белорусского народа.

Учитывая диглосную ситуацию, можно утверждать, что религиозная принадлежность являлась важным фактором при выборе русского или польского языка в качестве высокого варианта (*high variety*) среди грамотных белорусов. Впоследствии, когда они переходили на употребление письменного белорусского языка, пользуясь русским языком (т. е. православные) выбирали кириллицу, а пользующиеся польским (т. е. католики) — латиницу.

Таким образом, в начале XX в. религиозная принадлежность оказалась причиной формирования двух лагерей среди грамотных белорусов по употреблению алфавита для письма и чтения на белорусском языке: тех, кто использовал кириллицу, и тех, кто отдавал предпочтение латинице. Следовательно, при рассмотрении процесса становления белорусского литературного языка крайне важно учитывать существование обеих данных групп, сложившихся среди грамотного белорусского населения.

3. Языковая политика во время немецкой оккупации 1915–1918 гг.

3.1. Оккупационная политика Германии на территории Обер-Ост

Вскоре после начала Первой мировой войны войска Германии, летом 1914 г. добившиеся победы в битве при Танненберге, продолжали побеждать на Восточном фронте и заняли огромные

территории Северо-Западной России к осени 1915 г. На оккупированной территории, в которую входили Курляндия (Западная Латвия), Литва и Белосток-Гродно (Восточная Польша и Западная Беларусь), была создана немецкая военная администрация под названием Обер Ост (Liulevicius 2000: 21)¹⁴. Для немецкой администрации Обер Ост являлась достаточно сложной территорией, отличающейся языковым и культурным разнообразием, т. к. на ней проживали самые различные народы: литовцы, белорусы, евреи, поляки, латыши и др.¹⁵ Национальная политика (в том числе и языковая) на данной территории являлась особенно деликатным вопросом, т. к. Первая мировая война послужила стимулом для развития процессов национального освобождения и подтолкнула к созданию национальных государств среди народов на данной территории.

Для того чтобы справиться с такой непростой национально-языковой ситуацией, немецкая военная администрация приняла решение придерживаться принципа равного отношения ко всем местным национальностям и содействовала использованию их родных языков в качестве административных языков, а также поощряла школьное образование и издательскую деятельность на этих языках (Bieder 2015: 221, 223–225, 229). Такая языковая политика немецких оккупационных властей позволила белорусам продолжить издательскую деятельность на белорусском языке, начавшуюся в 1906 г., открыть первую легальную белорусскую школу, создание которой не получило одобрения со стороны царской России.

---

¹⁴ Обер Ост (Ober Ost) — сокращение от немецкого *Oberbefehlshaber Ost* 'Верховный главнокомандующий на Востоке' (Liulevicius 2000: 7).

¹⁵ По данным переписи населения Российской империи 1897 г. население на территории Обер Ост изначально составляло 4 504 000 человек и из них 1 549 400 (= 34,4%) были литовцами, 936 800 (= 20,8%) белорусами, 608 000 (= 13,5%) евреями, 531 000 (= 11,8%) поляками, 472 900 (= 10,5%) латышами, 279 200 (= 6,2%) русскими, а 112 600 (= 2,5%) немцами (Bieder 2015: 221).

3.2. Школьное образование на белорусском языке

Программа Обер Ост по развитию школьного образования на захваченных землях Беларуси и Литвы являлась составной частью кайзеровской национальной политики, которая должна была обеспечить устойчивое геополитическое господство Германии в данном регионе (Ляхоўскі 2010: 77). Одной из главных задач, которую стремилось реализовать через школы оккупационное руководство, являлась изоляция белорусских земель от культурного влияния России и закрепление здесь прогерманской идеологии. По этой причине администрация Обер Ост запретила в школах преподавание на русском языке, но зато ввела преподавание на родном языке каждого народа (Там же: 94)¹⁶.

Создание белорусских школ на территории Обер Ост было связано с деятельностью Белорусской школьной комиссии, образованной 15 октября 1915 г. с целью организации белорусских школ, подготовки учителей, разработки белорусской научной терминологии и школьных учебников (Там же: 119). Через месяц после создания комиссии первая легальная школа с преподаванием на белорусском языке впервые за всю историю начала свою работу в Вильне. После этого число белорусских школ постепенно увеличивалось, и к концу 1918 г. оно достигло 120 на всей территории Обер Ост (Bieder 2015: 226).

Однако белорусские школы столкнулись с серьезной нехваткой учителей и учебных материалов. Особенно сложной задачей являлось обеспечение учебных заведений школьными учебниками на белорусском языке, т. к. кроме трех «букварей»¹⁷, «Краткой истории Беларуси» В. Ластовского¹⁸, а также нескольких молитвенников для католиков, созданных еще в довоенное время, другой белорусскоязычной учебной литературы не существовало (Ляхоўскі 2010: 125; Bieder 2015: 227). В годы немецкой оккупации

---

¹⁶ Тем не менее во всех школах на территории Обер Ост, начиная с первого класса, вводилось обязательное изучение немецкого языка (Ляхоўскі 2010: 86).

¹⁷ (Каганец 1906; Цётка 1906; Колас 1910).

¹⁸ (Ластоўскі 1910).

в Вильне для возмещения недостатка учебных пособий представители белорусской интеллигенции опубликовали несколько белорусскоязычных пособий. «Белорусская грамматика для школ» Б. Тарашкевича, изданная в 1918 г., явилась одним из таких учебных пособий.

3.3. Издательская деятельность на белорусском языке

Во время немецкой оккупации 1915–1918 гг. большинство белорусскоязычных публикаций являлось школьными учебниками в связи с вышеуказанным отсутствием учебных пособий (Bieder 2015: 227). Среди таких изданий газета «Гомон», основанная в феврале 1916 г. в Вильне при поддержке немецкой администрации, являлась единственным белорусскоязычным периодическим изданием на оккупированных территориях. Газета «Гомон» выходила два раза в неделю до конца 1918 г. и играла важную роль в качестве площадки для обмена идеями среди белорусской интеллигенции. Первоначально газета выпускалась только на латинице, поскольку немецкая администрация запретила использование кириллицы в белорусских публикациях. Но в сентябре того же года газета начала печататься и на кириллице для православных белорусов (Bieder 2015: 229).

Илл. 2. Издания газеты «Гомон» на латинице и кириллице

В газете был опубликован ряд статей, посвященных истории Беларуси, национальной культуре и актуальным социально-политическим проблемам, а также разнообразные материалы по истории национально-культурного и литературного движения предшественниками идей белорусского национализма (Конан 1996: 60–61).

Кроме того, в газете часто публиковались статьи, затрагивающие языковую проблему, которые являются ценным источником, свидетельствующим о том, каким образом обсуждалась среди белорусской интеллигенции проблема нормализации белорусского литературного языка в переходный период между распадом Российской империи и установлением советской власти. Ниже мы подробно рассмотрим содержание данных статей.

4. Обсуждения вопросов нормализации белорусского литературного языка в газете «Гомон»

4.1. Статьи 1916–1917 гг.

В газете «Гомон» уже в начале 1916 г. можно видеть несколько статей, затрагивающих языковую проблему. В статьях, опубликованных в 1916 и 1917 гг., активно обсуждается проблема сохранения самобытности белорусского языка¹⁹, а также история преследования белорусского языка в школе²⁰. Одна из таких статей — «Устная речь и шрифт» (*Hutarka i szryft*)²¹ — посвящена проблеме нормализации белорусского языка. В ней рассматриваются два вопроса, которые были обсуждены ранее немецким славистом Рудольфом Абихтом до публикации в данной газете²².

¹⁹ Anon. Prawy bielaruskaj mowy // Homan. 1916. № 6, 8, 12, 14, 30; W. Ł. Bielaruskaja mowa // Homan. 1916. № 35; Anon. Samabytnaść naszaj mowy // Homan. 1916. № 85; Hulewicz Jazep. U sprawie naszaj mowy // Homan. 1916. № 5; А. Н. Шануйце роднае слова! // Гоман. 1916. № 76; Н. С. Шануйма родную мову! // Гоман. 1917. № 45, и т. д.

²⁰ А. Zmahańnie za szkołu // Homan. 1916. № 19; Mielezka I. Wyzwaleńnie za szkoły // Homan. 1916. № 43; В. P. U wiaskowych szkolach // Homan. 1916. № 59, и т. д.

²¹ А. N. Hutarka i szryft // Homan. 1916. № 40.

²² Согласно статье, профессор Абихт, разбирая как первые образцы белорусской литературы, так и более новые произведения, приходит к мнению, что белорусский литературный язык имеет много характерных особенностей, общих с волковыским диалектом. На этом основании он высказывает мысль, что волковыский диалект лежит в основе белорусского литературного языка, который

Обсуждение затрагивало следующие важные вопросы: какой диалект должен стать основой для белорусского литературного языка и какой алфавит стоит использовать для белорусского письма? Хотя статья не предлагает конкретных решений для обоих вопросов, в ней имеются некоторые моменты, на которые следует обратить внимание.

В статье признается важность проблемы диалектов, но отмечается, что до публикации статьи профессора Абихта данная тема не являлась объектом дискуссий среди белорусов и что рано делать окончательные выводы по данному вопросу.

Глядя издалека на белорусов, этот немецкий филолог-славист как раз задержался на этом вопросе, который для нас не был до сих пор таким острым. Само собой разумеется, что он для нас имеет большой вес, и работа — ценная и необходимая. Можем только радоваться этому и, пока не придет время сделать окончательный выбор в пользу того или иного наречия, познакомим читателей с выводами профессора (A. N. Hutarka i szryft // *Homian*. 1916. № 40)²³.

Можно сделать вывод, что тогдашняя белорусская интеллигенция не ставила перед собой цель создать белорусскую литературную норму на основе какого-либо конкретного диалекта. Данное утверждение перекликается с заключениями предшествующих исследований, в которых отмечается, что тогдашний

и получил дальнейшее развитие. Однако в статье отсутствует упоминание о том, в какой именно работе профессор Абиخت высказал данное предположение.

²³ *Hledziaczy zdaloku na bielarusoi, hety niamiecki filolog-slawist akurat zatrymaŭsia na hetym pytaŭni, katoraje dla nas nie było dahetul takim pilnym. Samo saboj rozumiejecca, szto jano dla nas maje wialikuju wahu, i rabota — cenny i patrebny. Możem tolki cieszycca z hetaho i, pakul nia pryjdzie czas zrabić akanczacielny wybar tej ci inszaj hutarki, paznajomim czytaczoi z wywadami profesara.* [Здесь и далее выдержки из белорусских источников первой трети XX в. даны в переводе на русский язык, выполненном автором статьи (С. К.).]

белорусский письменный язык ориентировался на широкую диалектную основу, и при написании своей грамматики Б. Тарашкевич также не опирался на какой-либо конкретный местный диалект (Запрудскі 2013: 87).

В статье подчеркивается сложность вопроса о выборе алфавита. Автор обращает внимание на тот факт, что белорусские книги на момент выпуска статьи издавались как на кириллице, так и на латинице, хотя на то время уже был известен пример того, как влиятельная белорусскоязычная газета «Наша нива» (*Nasza niwa*), выходявшая в довоенной Вильне сначала одновременно на двух алфавитах, впоследствии, после открытой дискуссии в газете в 1912 г., перешла к использованию только кириллицы.

Белорусы в ответах на анкеты, предложенные «Нашей нивой», выразили свое мнение (...) огромное большинство голосов было подано за «русские» буквы, которыми «Наша нива» с того времени и печаталась. Но это еще далеко не разрешило вопрос, и разные книжки — как к чтению, так и к науке — печатались в большинстве и такими и такими буквами (*A. N. Hutarka i zryft // Homan. 1916. № 40*)²⁴.

Насколько деликатным являлся вопрос об алфавите, можно увидеть в статье «К единству» (*Da jednaści*)²⁵ в 58-м номере 1916 г. Именно начиная с данного номера газета «Гомон» стала выходить и на латинице, и на кириллице. В статье говорится, что в настоящее время белорусы, разделенные на православных и католиков, всё еще находятся в процессе формирования четкого этнического самосознания и что для них религиозная принадлежность имела более важное значение, чем этничность. По этой причине

²⁴ *Bielarusy ustrojonej „Naszaj Niwaj” ankietaj wykazali swoj pahlad (...) ahramadna bolszaść hałasoi była padadziena za „ruskije” litery, katorymi „Nasza Niwa” s taho času i drukawałasia. Ale heta jeszcze zusim nie razwiazalo pytańnia, i ũsielakije kniŭki — jak da czytańnia, tak i da nawuki — drukawalisia najbolsz i takimi i siakimi literami.*

²⁵ *Mieleszka I. Da jednaści // Homan. 1916. № 58.*

необходимо было использовать оба алфавита: кириллицу и латиницу — для объединения белорусского народа.

Белорусы еще и сегодня далеко не все могут ответить, к какому народу принадлежат, еще и сегодня делятся на две части — «католиков» и «православных», не понимая, что вера и национальность — две совершенно разные вещи. В этом первом номере газеты «Гомон», который выходит как латинскими, так и старобелорусскими («русскими») буквами, мы призываем к братскому единству обе части белорусского народа — католиков и православных (*Mieszka I. Da jednaści // Homan. 1918. № 58*)²⁶.

4.2. Статьи 1918 г.

4.2.1. Антон Луцкевич.

«Дело шрифта» (Гомон. 1918. № 28)

В 1918 г. в газете «Гомон» стали активно обсуждаться более конкретные вопросы, относящиеся к проблеме составления нормативной грамматики и орфографических правил белорусского языка. Возрастание интереса к данной теме, видимо, связано с тем, что в январе того же года было организовано Белорусское научное общество (*Беларускае навуковае таварыства*), которое в условиях активно развивающегося белорусскоязычного школьного образования обстоятельно рассматривало вопросы, касающиеся нормализации белорусского языка (Юркевич 2014: 196–198).

Прежде всего, в 1918 г. в газете «Гомон» рассматривается проблема алфавита. В статье «Дело шрифта» (*Sprawa śryftu*)²⁷

²⁶ *Bielarusy jeszczе i siahońnia daloka nie ўsie mohuć atkazać, da jakoha narodu prynaležać, jeszczе i siahońnia dzielacca na dźwie czaści — «katalikoў» i «prawasłaўnych», nie razumiejuczy, szto wiera i nacyonalnaść — dźwie zusim roznyje reczy. U hetym pierszym numery “Homana”, katory wychodzić jak łacinskimi, tak i stara-bielaruskimi («ruskimi») literami, my przyzywajem da bratniaj jednaść, abiedzьwie czaści Bielaruskaho narodu — katalikoў i prawasłaўnych.*

²⁷ A. Ł. *Sprawa śryftu // Homan. 1918. № 28.*

в 28-м номере утверждается, что вместе с развитием школьного образования вопрос выбора алфавита становится еще актуальнее, хотя и отмечается, что пока затруднительно делать выводы о том, какой шрифт наиболее подходит для письменности на белорусском языке. Ввиду этого в статье предлагается учить детей двум алфавитам: латинице и кириллице, — для того чтобы они могли читать книги, написанные на любом из них.

Практическая развязка, на наш взгляд, может быть только одна: 1) во всех школах, где учат на латинице, знакомить детей и с кириллицей; так же в школах с наукой на кириллице учить дополнительно латиницу; 2) книжки о науке религии для католиков печатать только латинскими буквами, а для православных — только кириллицей (A. Ł. Sprawa śryftu // Homan. 1918. № 28)²⁸.

Неизвестно, насколько вышеизложенное предложение было реализовано в сфере школьного образования на территории Обер-Ост, но, по крайней мере, содержание данной статьи доказывает, что для тогдашних белорусов проблема выбора алфавита все еще оставалась серьезной задачей. Кроме того, следует особо отметить упоминание в статье о том, что в сфере религии допускались исключения — возможность выбора алфавита в зависимости от религиозной принадлежности носителей языка, т. е. выбор алфавита был тесно связан с вероисповеданием белорусов.

4.2.2. Антон Луцкевич.

«О нашем правописании» (Гомон. 1918. № 29)

В газете «Гомон» за 1918 г. повторно обсуждаются проблемы орфографии. Как известно, в орфографии белорусского языка преобладает фонетическое правописание, основной принцип которого звучит как: «Пиши так, как слышишь» (*Пишы так, як чуеш*). И к началу

²⁸ *Praktyčnaja razviazka, na naš pahlad, može być tolki adna: 1) wa ũsich ũkolach, dzie wučać na łacinicy, znajomić dziaćiej i s kirylicaj; hetak sama ũ ũkolach z nawukaj na kirylicy wućyć dadatkowa łaciniki; 2) kniũzki da nawuki relihii dla katalikoũ drukawać tolki łacinskimi literami, a dla prawastaũnych — tolki kirylicaj.*

XX в. была создана орфография, в которой преимущественно отражены такие отличительные фонетические особенности белорусского языка, как аканье, цеканье, дзеканье, ассимилятивная мягкость согласных и др. Однако такая стихийная нормализация орфографии не привела к установлению правил, которые могли бы унифицировать различия в правописании каждого носителя языка, и по этой причине дебаты о нормализации орфографических правил особенно активизировались в связи с развитием белорусскоязычного школьного образования во время немецкой оккупации.

В таких условиях статья Язепа Лесика «Наше правописание» (*Наш правопіс*)²⁹, опубликованная в минской газете «Свободная Беларусь» (*Вольная Беларусь*) в начале 1918 г., развернула публичную дискуссию по вопросам орфографии. Я. Лесик, признавая фонетическое правописание как существенный орфографический принцип белорусского языка, подчеркивал, что для практики использования письменного белорусского языка необходимо ввести исключения из правил, отклоняющиеся от фонетического принципа, и предложил составленные им орфографические правила, состоящие из 17 пунктов, с учетом морфологического принципа.

В статье «О нашем правописании» (*Ab naš prawopis*)³⁰, опубликованной в 29-м номере газеты «Гомон» за 1918 г., Антон Луцкевич подробно рассмотрел орфографические правила, предложенные Я. Лесиком. Луцкевич поддерживал уважительное отношение Лесика к фонетическому принципу орфографии, однако считал, что предложенные им орфографические правила не в полной мере учитывают фонетические особенности белорусского языка, и критиковал его опрометчивое «желание нормировки» характера проношения белорусского языка.

Во вступлении он совершенно правильно говорит, что «надо писать так, как слышишь», и это вкладывает в основу своих выводов. Однако, в дальнейшем развитии этого принципа он делает большой скачок: не дав основных оценок белорусской фонетике,

---

²⁹ Лёсік Я. Наш правопіс // Вольная Беларусь. 1918. № 4.

³⁰ Łuckiewicz A. Ab naš prawopis // Homan 1918. № 29.

говорит сразу об отступлениях от нее. (...) Творец правописания минчан переходит прямо к подробностям, и множество правил его нельзя истолковать иначе, как только желание нормировки белорусского произношения без установления норм (*Łuckiewicz A. Ab paŝ prawopis // Homan 1918. № 29*)³¹.

Данная статья доказывает, что фонетический принцип в белорусской орфографии вызывает немало трудностей при составлении конкретных правил правописания, т. к. практически невозможно отразить каждую фонетическую особенность языка в орфографии. Существование этой проблемы также показывает, насколько сложно решить, какие фонетические и морфологические особенности должны преимущественно визуализироваться в письме на таких языках, как белорусский, т. е. принимающих фонетический принцип за основу в орфографии.

Кроме того, важно отметить, что в статье Луцкевич назвал орфографические правила Лесика «правописанием минчан» (*prawopis mienčukoj*) и тем самым отделил его от сторонников правописания, основанного в Вильне. Данный факт говорит о том, что в то время уже существовала разница в письменных традициях между Минском и Вильной, и это представляло определенную проблему, которую необходимо было преодолеть при разработке белорусской литературной нормы.

4.2.3. Ян Станкевич. «Правописание и грамматика» (Гомон. 1918. № 30–31, 34–35)

В статье Яна Станкевича «Правописание и грамматика» (*Prawapis i hramatyka*)³², публиковавшейся в газете «Гомон» с № 30 до № 35

³¹ *U ūstupieñni jon zusim prawilna kaŭe, što «treba pisać tak, jak čuješ», dy heta kładzie u asnowu swaich wywadaŭ. Adnak, u dalejšym razwićci hetaha pryncypu jon robić wialiki pieraskok: nie daŭšy asnaŭnych adznak bielaruskaj fonetyki, haworyć zrazu ab adstupieñniach ad jaje. (...) Twarec prawopisu mienčukoj pierachodzić prosta da padrobnašcej, i šmat prawitŭ jaho nielha wytłumačyć inačej, jak tolki ŭžadaniem normiroŭki bielaruskaj wymowy biez ustanauieñnia norm.*

³² *Stankiewicz J. Prawapis i hramatyka // Homan. 1918. № 30–31, 34–35.*

1918 года, подробно обсуждаются различные проблемы, связанные с правилами передачи аканья. Полное аканье часто называют характерной фонетической особенностью современного белорусского языка (напр., Янкоўскі 1978: 42), и орфография, отражающая аканье, была установлена и принята белорусской интеллигенцией через письменную практику в довоенной белорусской газете «Наша нива» (Усціновіч 1994: 384). Однако подробные правила передачи аканья на письме были еще недостаточно унифицированы в начале XX в., и эта проблема являлась главным предметом обсуждения в вышеупомянутых статьях: «Наше правописание» Я. Лесика и «О нашем правописании» А. Луцкевича. В статье «Правописание и грамматика» Ян Станкевич также обстоятельно обсуждает проблему правописания аканья, подразделяя ее на два случая: акающего безударного /o/ и акающего безударного /e/.

Относительно «акающего» правописания безударного /o/ следует обратить внимание на то, что Я. Станкевич обсуждает уместность правила исключения, заключающегося в том, что /o/ на конце существительного среднего рода именительного падежа и также /o/ в окончании глагола прошедшего времени среднего рода необходимо всегда писать как «о», независимо от ударения, во избежание путаницы с окончаниями женского рода. В то время данное правило было принято в газете «Свободная Беларусь» в Минске³³. Автор статьи, с одной стороны, отрицательно относится к такому правилу, т. к. оно представляет собой явное расхождение с реальным произношением, но, с другой стороны, отмечает его необходимость, поскольку неопытные учителя в школе могут дать ученикам неправильные объяснения о грамматическом роде.

Плохой тот белорусский учитель, который не знает род белорусских существительных и поэтому требует, чтобы в окончании среднего рода было о, звук, который на самом деле не произносится. (...) Только хорошо ли такое отличие звуком, который

---

³³ Тем не менее правило о том, что /o/ в окончании глагола прошедшего времени среднего рода необходимо всегда писать как «о», независимо от ударения, было также принято в газете «Гомон» в Вильне (*Stankiewicz J. Prawapisi i hramatyka // Noman. 1918. № 31*).

на самом деле никогда не произносится? (*Stankiewicz J. Prawapis i hramatyka // Homan. 1918. № 31*)³⁴

Я. Станкевича, как сторонника сохранения фонетических особенностей белорусского языка, беспокоит наличие упомянутого орфографического правила, т. к. оно может послужить причиной неправильного произношения у детей. Для решения данной проблемы он даже предложил ввести в алфавит новую букву «а̇», которая одновременно будет обозначать и произношение, и грамматический род³⁵.

Недавно на детском вечере в Вильне дети одного белорусского приюта так и говорили: глядзело, лето и т. п., что выглядит уже совсем не по-белорусски. Я предлагаю, чтобы отличить средний род в глаголах от женского, не *o*, но отдельную букву «а» с маленьким значком, колечком, наверху (*Stankiewicz J. Prawapis i hramatyka // Homan. 1918. № 31*)³⁶.

Данное предложение Я. Станкевича ясно показывает, что при составлении правил белорусской орфографии, т. е. решении вопроса о том, какие фонетические и морфологические особенности должны преимущественно визуализироваться в письме, решение упомянутой проблемы принимало еще более сложный характер, если учитывались особенности преподавания белорусского языка.

---

³⁴ *Blahi toj bielaruski cytar, katory nie znaje rodu bielaruskich imieŋnikaŋ i patrabuje na heta, kab u kančary siaredniaha rodu było o, zyk katory zapraŋdy nie wymaŋlajecca. (...) Tolki ci dobraje takoje adroznieŋnie zykam, katory zapraŋdy nikoli nie vyhawarywajecca?*

³⁵ Данное предложение Я. Станкевича, пожалуй, основывалось на том, что Е. Ф. Карский ввел в алфавит «а̇» для обозначения акающего /o/ в своей книге «Белорусы» (Карский 2006: 41).

³⁶ *Nadowičy na dziciačaj wiečarynie ŋ Wilni dzieci adnaho bielaruskaha pry-tułki tak i kazali: hladzielo, leto i h. p., što vyhładaje ŋžo zusim nie pabielaru-sku. Ja prapanuju, kab adroznić siaredni rod u čyŋnikach ad žanockaha nie o, ale asobnuju literu “a” z maleŋkim značkom, kolcem, u wiersie.*

Что касается правописания аканья безударного /e/, Я. Станкевич также тщательно рассматривал данный вопрос, т. к. предложения по данному вопросу А. Луцкевича и Я. Лесица в книге «Как правильно писать по-белорусски» (*Jak prawilna pisać pa biełarusku*)³⁷ и в статье «Наше правописание», вынесенные до публикации статьи Станкевича, очевидно не решали всей проблемы колебания правописания аканья безударного /e/. В частности, Я. Станкевич обращает внимание в следующем правиле А. Луцкевича на место ударения: «Вместо *e* пишем *a* только тогда, когда ударение перешло на очередной слог. Если же стоит дальше, то *e* не меняется»³⁸ (Łuckiewiç 1917: 15)³⁹.

Станкевич, сам собрав и записав белорусские слова с безударным *e*, в своей статье указывает на то, что аканье безударного /e/ часто встречается не только в первом слоге перед ударением, и приводит множество примеров⁴⁰. Учитывая данный языковой

³⁷ (Łuckiewiç 1917).

³⁸ *Zamiest e pišem a tolki tady, kali udareńnie pierajšło na čarodny skład. Kaliž staić dalej, dyk e nie zmieniajessa.*

³⁹ Я. Станкевич к этому правилу добавляет следующее условие (хотя в пособии А. Луцкевича оно не указано): «А. Луцкевич в своей книге “Как правильно писать по-белорусски?” установил правило, по которому безударное этимологическое *e* только тогда акает, когда оно стоит перед ударным слогом и в этом ударном слоге нет звука *a*. [выделение наше. — С. К.]» (А. Łuckiewiç u swajoj knižcy “*Jak prawilna pisać pa biełarusku?*” *ustanawiu prawa, pa katoramu nieakcentawanaje etymologična-je e tolki tady akaje, kali jano staić pierad akcentawanym skladam i ŭ henym akcentawanym skladzie niama zyku a.*) (Stankiewiç J. Prawapis i hramatyka // *Homar*. 1918. № 34).

⁴⁰ Я. Станкевич указывает на то, что в следующих случаях безударный /e/ не акает: 1) в первом слоге после безударного в двусложных словах с двумя этимологическими *e*: *вeрад, вeчар, чэрап, дзeля, вeцяр* и т. п., 2) в первом очередном слоге после ударного, когда ударный слог не *a*: *вoсянь, дpосянь, дужасьць, тьдзянь, пoчaпка* и т. п., 3) в очередном слоге после ударного, когда ударный слог имеет *a*: *пaляцi, зaкaляць, хaрaктap* и т. п., 4) во втором и последующих слогах после ударного: *вeрaсьянь, атaлaпaнь* и т. п., 5) в предыдущем слоге перед ударным слогом со звуком *a*: *цaнa, чaкaць, жaрcтaвa, з дзядaмi, кyрaнaтa* и т. п.,

факт, он предлагает установить основное правило о том, что следует писать все безударные /e/ через «а», кроме некоторых особых случаев.

Рассмотрев все это, мы должны вывести такое правило: безударное этимологическое *e* всегда пишется через *a*, кроме следующих исключений, в которых оно пишется через *e* (*Stankiewicz J. Prawapis i hramatyka // Homan. 1918. № 35*)⁴¹.

Вместе с этим он также отмечает необходимость введения нескольких исключений из основного правила с учетом колебания произношения безударного /e/ среди белорусов.

Те слоги, в которых по крайней мере на большей части Беларуси слышно то *и*, то *я*, а иногда *e*, надо писать через *e*, как звук средний, который дает возможность произносить и *e*, и *я*, и *и* (*Stankiewicz J. Prawapis i hramatyka // Homan. 1918. № 34*)⁴².

Предложения, высказанные Станкевичем в данной статье, заслуживают нашего внимания, так как эти предложения представляют собой радикальную позицию Станкевича как сторонника

б) во втором слоге перед ударным слогом: *чалавек, цярабіць, цянюціць, сярадня, чатырнаццаць* и т. п., 7) в третьем слоге спереди от безударного: *вялічыня, цялюкаты* и т. п., 8) в уменьшенных существительных женского рода, как: *кашулячка, сарочка, матулячка, Ганулячка, птушачка* и т. п., а также мужского и среднего рода с подобными окончаниями: *татулячка, вочачка* и т. п., 9) уменьшенные существительные мужского рода, как: *каточак, сыночак, садочак* и т. п., 10) в именительном падеже множественного числа прилагательных и местоимений всех родов слышится *я*: *гэтыя, белыя, сталы, сыцены, вокны* и т. п. (*Stankiewicz J. Prawapis i hramatyka // Homan. 1918. № 34*).

⁴¹ *Razhledziüşy ūsio heta my pawinny wywieści hetkaje prawila: Nieakcentawana je etymologičnaje e zaŭsiody pišecca praz a, aprača čarodnych wyniatkaŭ, u katorych jano pišecca praz e.*

⁴² *Tyja składy, ŭ katorych prynamsi na wialikšaj čaści Bielarusi čuwać to i, to ia, a časam e, treba pišać praz e, jak zyk siaredni, katory daje mahčymaść wυμαілаć i e, i ia, i i.*

фонетического принципа орфографии и его стремление к разработке правил орфографии, максимально отражающих реальное произношение белорусов.

4.2.4. «Отчет о “Грамматике белорусского языка” Б. Пачобки» (Гомон. 1918. № 53)

«Грамматика белорусского языка» (*Hramatyka Bielaruskaj mowy*)⁴³, составленная учителем Свислочской белорусской учительской семинарии Болеславом Пачобкой и изданная в Вильне в 1918 г., является одним из известных учебных пособий для белорусской школы на территории Обер Ост. «Отчет о “Грамматике белорусского языка” Б. Пачобки» (*Sprawazdača ab «Hramatyce bielaruskaj mowy» B. Pačobki*)⁴⁴, опубликованный Белорусским научным обществом и размещенный в 53-м номере газеты «Гомон» за 1918 г., представляет собой ценные сведения для осмысления роли грамматики Б. Тарашкевича, изданной также в 1918 г. вслед за грамматикой Б. Пачобки. Заметно, что в данном отчете последовательно критикуется содержание грамматики Пачобки и делается вывод о том, что она совсем не подходит для использования в школьном образовании. Такая оценка грамматики Б. Пачобки указывает на поразительный контраст с одобрительной оценкой последующей грамматики Б. Тарашкевича.

В отчете прежде всего подчеркивается отсутствие в данном учебном пособии раздела, касающегося орфографии, учитывая то, что в то время главной задачей школьного обучения для детей являлось овладение именно письменностью. Данное замечание показывает, насколько важной считалась фиксация орфографической нормы в учебнике при распространении литературного белорусского языка среди детей.

---

⁴³ (Pačobka 1918).

⁴⁴ *Анон. Sprawazdača ab «Hramatyce bielaruskaj mowy» B. Pačobki // Homan. 1918. № 53.* Данная статья первоначально была опубликована в 18-м номере газеты «Свободная Беларусь» за 1918 г., и через 2 месяца была перепечатана и в газете «Гомон».

Главная задача начальной школы — научить детей правильно писать (*Rechtschreibung*) на родном языке. Основой этого в белорусском языке является фонетика. Тем временем в «Грамматике» Б. Пачобки такого раздела совершенно нет. «Грамматика» Б. Пачобки имеет целью только систематизацию грамматических форм и вовсе не приспособлена для практических задач начальной народной школы (*Анон. Sprawazdača ab «Hramatyse biełaruskaj mowy»* В. Рацобки // *Номан*. 1918. № 53)⁴⁵.

Кроме того, в отчете критикуется попытка создания искусственных форм для объяснения спряжений некоторых глаголов и также замечается, что некоторые пояснения автора о грамматике явно неадекватны или неточны. Вместе с тем отмечается, что в грамматике Пачобки существует «тенденция к *ополячению белорусского языка*» (*tendencyja da poľščeńnia biełaruskaje mowy*), например при представлении окончания *-ние* существительных среднего рода единственного числа и форм некоторых порядковых числительных.

С одной стороны, можно сказать, что такие недостатки, пожалуй, были неизбежными, учитывая, что грамматика Б. Пачобки являлась одной из первых белорусских нормативных грамматик и автор грамматики изначально был священником католической церкви, а не знатоком языкознания. Но, с другой стороны, следует обратить внимание на тот факт, что грамматика Б. Пачобки подверглась детальной критике несмотря на то, что она являлась одной из немногих белорусских нормативных грамматик в то время. Таким образом, можно предположить, что в кругах белорусской интеллигенции того времени уже существовал определенный идеальный образ белорусской нормативной грамматики и вариант грамматики, предложенный Б. Пачобкой, ему не соответствовал.

---

⁴⁵ *Глаўная задача пачатковае школы — навучыць дзіцяцеj правільна пісаць (Rechtschreibung) u роднай мовіe. Аснову hetaha ў biełaruskaj мовіe становіць фонетыка. Тымчасам u «Hramatyse» В. Рацобкі такога addziełu zusim німа. «Hramatyка» В. Рацобкі мае на meci tolкі systemатызцыю hramатычных форм і zusim nie dapasowana da практычных задач пачатковае народнай школы.*

4.2.5. «Реформа правописания»

(Гомон. 1918. № 71)

Статья «Реформа правописания» (*Reforma prawapisu*)⁴⁶ в 71-м номере газеты «Гомон» за 1918 г. позволяет нам непосредственно ознакомиться с оценкой, которая была дана грамматике Б. Тарашкевича после ее публикации. В статье рассматривается история проблемы вариаций орфографии белорусского языка и попыток ее унификации и также дается высокая оценка «Белорусской грамматике для школ» Б. Тарашкевича, т. к. данная работа внесла значительный вклад в дело нормализации орфографии, в частности в решение упомянутой проблемы правописания аканья.

В статье представлены конкретные орфографические правила, предложенные Б. Тарашкевичем. Но более всего привлекает внимание присутствие в статье положительной оценки грамматике Тарашкевича, указывающей на наличие доверия к самому автору грамматики со стороны белорусской интеллигенции.

А такая несговорчивость следовала из того, что одни, хорошо зная живой язык, не имели филологической подготовки, другие же, хотя и хорошие филологи, не знали живой язык. (...) Это — плод долгих исследований нашего земляка — филолога Б. Тарашкевича, кандидата филологии Петрогр. университета, работавшего над белорусским языком под ближайшим руководством академика А. Шахматова и при участии академика Е. Карского (*Anon. Reforma prawapisu // Homan. 1918. № 71*)⁴⁷.

Как видим из приведенной цитаты, в статье одобрительно подчеркивается то, что, в отличие от других кодификаторов белорусского языка того времени, Б. Тарашкевич является и носителем

⁴⁶ *Anon. Reforma prawapisu // Homan. 1918. № 71.*

⁴⁷ *A hetkaja niazhodliwaść wynikala s taho, što adny, dobra znajučy żywuju mowu, nia mieli filolohičnaj padhatoŭki, druhija-ž, choć i dobryja filolohi, nia znali żywoje mowy. (...) Heta — płod doŭhich došledaŭ našaha ziemiaka — filoloha B. Taraškiewiča, kandydata filolohii pietarahr. uniwersytetu, pracawaŭšaha nad biełaruskaj mowaj pad najbližejšym kiraŭnictwam akademika A. Šachmatowa i pry ŭčaści akademika Ja. Karskaha.*

белорусского языка, который хорошо знаком с живой белорусской речью, и специалистом языкознания, который учился под нравственным и научным влиянием таких выдающихся славистов, как А. А. Шахматов и Е. Ф. Карский⁴⁸. Надежная поддержка работы Б. Тарашкевича представителями белорусской интеллигенции также проявляется и в том, что публикацию его грамматики ожидали в течение нескольких лет вплоть до 1918 г.

Как указывает Л. М. Шакун, Б. Тарашкевич начал писать грамматику белорусского языка по предложению Белорусского издательского общества в Вильне в 1913 г. (Шакун 1994: 81). Можно сказать, что с этого времени грамматика Б. Тарашкевича уже была известна среди представителей белорусской интеллигенции (по крайней мере, в Вильне), т. к. книга должна была быть издана в ближайшее время. Кроме того, в нескольких статьях белорусских газет того времени придается особое внимание информации о сроках выхода грамматики Б. Тарашкевича для широкой публики, что также доказывает то, с каким нетерпением ожидалась публикация книги среди белорусской интеллигенции.

Получили вести, что уже написаны и скоро будут отданы в печать три белорусские грамматики трех разных авторов. Один из этих авторов, филолог Б. Тарашкевич, намеренно, чтобы уклониться от препятствий в работе, подался в деревню в Финляндии на целое лето, и там обдумывал, составлял и теперь закончил

---

⁴⁸ Этим двум ученым сам Тарашкевич высказывает благодарность в предисловии к своей книге «Белорусская грамматика для школ» (Тарашкевич 1918: 4). В частности, по словам самого Тарашкевича, именно академик А. А. Шахматов, являвшийся его научным руководителем, поощрял его к написанию грамматики. Это наверняка связано с тем фактом, что Шахматов еще при царской власти выражал поддержку самостоятельности белорусского народа и белорусского языка (см. Шахматов 1999: 25–26). Тарашкевич также отмечает в своей книге, что и академик Е. Ф. Карский оказывал значительную помощь ему. Например, Карский предлагал многие грамматические термины для учебного пособия Тарашкевича. Однако, в отличие от Шахматова, Карский не очень интересовался самой проблематикой современного белорусского языка (Запрудскі 2013: 104).

писать белорусскую грамматику... (...) Значит, не через долгое время она напечатается, выйдет в свет, и мы будем иметь свою собственную белорусскую грамматику (Я. Л-к. Граматыка і родная мова // Вольная Беларусь. 1917. № 17)⁴⁹.

Молодой филолог Тарашкевич с помощью проф. Шахматова написал белорусскую грамматику и отдал ее печатать в Петербурге. Жаль, что мы с этой грамматикой сейчас не можем поближе познакомиться... (Stankiewicz J. Prawapis i hramatyka // Roman. 1918. № 30)⁵⁰.

Следует отметить, что в статье «Реформа правописания» дается последовательная оценка грамматике Б. Тарашкевича, которая представляет собой реакцию, совершенно противоположную критике, высказанной в адрес грамматики Б. Пачобки. Необходимо понять, по какой причине в кругах белорусской интеллигенции в 1918 г. отсутствовали какие-либо отрицательные отзывы о Б. Тарашкевиче и его работе, несмотря на то что в предложенных им орфографических правилах имелись определенные недостатки, вызвавшие горячие споры среди белорусских лингвистов во время реформы орфографии в советское время. С. Запрудский объясняет отсутствие критики в адрес грамматики Б. Тарашкевича тем, что при составлении правил он ориентировался на широкую диалектную базу, уделял внимание тогдашней языковой практике и также высказывал нежелание заниматься языковым «проектированием» (Запрудский 2015: 30–31). Но в дополнение

⁴⁹ *Атрымалася весткі, што ужо напісаны і хутка надашлюцца да друку тры беларускія граматыкі трох розных аўтараў. Адзін з гэтых аўтараў, філолёг Б. Тарашкевіч, наўмысьля, каб ухіліцца перашкод у працы, удаўся быў на вёску у фінляндыю на цэлае лета, і там абдумаў, укладаў і цяпер скончыў пісаць беларускую граматыку... (...) Значыць, ні ў далёкім часі яна надрукуецца, выдзе ў сьвет, і мы мецім сваю ўласную беларускую граматыку.*

⁵⁰ *Małady filoloh Taraškiewicz pry pomości prof. Šachmatawa napisaŭ bielaruskiju hramatyku i addaŭ jaje drukawać u Pieciarburzie. Škoda, što my z henaj hramatykaj ciapier niamožem bliżej paznajomica...*

к перечисленному несомненно следует учитывать и прочную поддержку его работы со стороны белорусской интеллигенции.

5. Заключение

Исходя из вышеизложенного, в заключение мы хотели бы пересмотреть значение и роль «Белорусской грамматики для школ» Б. Тарашкевича в истории становления белорусского литературного языка. Одной из наиболее распространенных оценок роли грамматики Б. Тарашкевича является то, что данная работа привела к стабилизации норм белорусского литературного языка, таких как, например, орфографические нормы.

Началась работа по разработке и закреплению стабильных правил грамматики и орфографии. В 1918 году выходит сразу пять грамматик белорусского языка, среди которых наиболее авторитетной стала «Белорусская грамматика для школ» Б. Тарашкевича (Жураўскі, Прыгодзіч 1994: 156)⁵¹.

После публикации в 1918 г. в Вильне «Белорусской грамматики для школ» Б. Тарашкевича и ее триумфального принятия (в 1918–1920 гг. она издана три раза) спрос на работы по нормализации в области белорусского правописания был удовлетворен. Ситуация в орфографии стабилизировалась (Запрудскі 2015: 30)⁵².

В данной ситуации необходимо обратиться к вопросу о том, при каких условиях осуществляется стабильность норм

---

⁵¹ *Пачалася работа па выпрацоўцы і замацаванні стабільных правілаў граматыкі і арфаграфіі. У 1918 г. Выходзяць адразу пяць граматык беларускай мовы, сярод якіх найбольш аўтарытэтай стала «Беларускай граматыкі для школ» Б. Тарашкевіча.*

⁵² *Пасля публікацыі ў 1918 г. у Вільні «Беларускай граматыкі для школ» Б. Тарашкевіча і яе трыумфальнага прыняцця (у 1918–1920 гг. яна выдадзена тры разы) попыт на нармалізацыйныя працы ў галіне беларускага правапісу быў задаволены. Сітуацыя ў арфаграфіі стабілізавалася.*

литературного языка. Н. Н. Семенюк утверждает, что стабильность языковой нормы складывается из таких признаков, как историческая устойчивость, традиционность нормы, относительное территориальное единообразие норм и др. (Семенюк 1990: 337). Из перечисленных признаков «территориальное единообразие норм», пожалуй, считается признаком, приобретенным в процессе установления литературной нормы белорусского языка до начала XX в., т. к. белорусская литературная норма формировалась, ориентируясь на широкую диалектную основу (что было рассмотрено в разделе 4.1), и вследствие этого конкуренция между региональными диалектами не явилась проблемой для белорусов.

Однако что касается «исторической устойчивости» и «традиционности нормы», то данные признаки с самого начала отсутствовали в процессе становления литературной нормы современного белорусского языка, начавшегося в XIX в. Как отмечает А. И. Журавский, современный белорусский язык «не представлял собой продолжение литературно-письменного языка эпохи белорусской народности [т. е. старобелорусского языка. — С. К.], а создавался заново полностью на народной основе без использования достижений литературного языка предыдущих столетий»⁵³ (Жураўскі 1993: 3)⁵⁴. Иными словами, в начале XX в. литературная норма белорусского языка была еще довольно молода и устойчивость и традиционность нормы были недостаточно сформированы. В общем, такие признаки, как «историческая устойчивость» и «традиционность нормы», являются характерными лишь для некоторых «крупных» языков, которые использовались на протяжении долгого времени и постоянно в качестве письменного языка.

---

⁵³ *не аказалася працягам літаратурна-пісьмовай мовы эпохі беларускай народнасці, а стваралася нанова цалкам на народнай аснове без выкарыстання здабыткаў літаратурнай мовы папярэдніх стагоддзяў.*

⁵⁴ В данном высказывании А. И. Журавского, вероятно, речь идет не о самом языке, а о нормативно-стилистических вариантах белорусского языка, т. к. и в старобелорусском, и в современном белорусском языках сохранилась этническая основа, которая позволяет нам считать оба языка одним белорусским языком.

Если рассматривать положение языков, литературная норма которых развивалась в течение относительно короткого времени и опиралась прежде всего на народные говоры, то необходимо обратить особое внимание не только на саму языковую норму, но и на отношение носителей данного языка к норме, т. к. установление единой языковой нормы без отклонений от нее осуществляется при условиях, когда каждый носитель языка добровольно поддерживает одну литературную норму языка и использует данный язык последовательно в соответствии с этой нормой. В этом отношении можно сказать, что «Белорусская грамматика для школ» Б. Тарашкевича сыграла важную роль в стабилизации языковой нормы белорусского языка в начале XX в., поскольку данный труд пользовался полной поддержкой со стороны владеющих литературным белорусским языком в то время, а именно белорусской интеллигенции.

Подводя итог сказанному в разделах 2–4, можно сказать, что причины, по которым грамматика Б. Тарашкевича получила широкую поддержку среди белорусской интеллигенции в межвоенные годы, заключаются в следующем. Во-первых, по причине того, что грамматика Тарашкевича была напечатана в двух вариантах: на кириллице и на латинице, — она была принята всей белорусской интеллигенцией, все еще разделенной использованием разных алфавитов. Во-вторых, грамматика Тарашкевича была издана как учебник для школ и тем самым имела прямое практическое значение для укрепления позиций белорусского литературного языка в образовании и культуре Беларуси и распространения его письменной формы среди неграмотных белорусов, что являлось особенно важным фактором для получения поддержки от представителей тогдашней белорусской интеллигенции, которые считали развитие белорусскоязычного школьного образования одной из важнейших задач для белорусского народа. В-третьих, данная работа Тарашкевича охватывала не только грамматику, но и правила орфографии и тем самым решала существовавшую в то время проблему неустойчивой орфографии.

Кроме того, учитывая изложенную в статье «Реформа правописания» высокую оценку грамматики Тарашкевича, можно утверждать, что работа получила поддержку также благодаря

фигуре самого автора, т. к. он являлся уникальным специалистом среди носителей белорусского языка, получившего лингвистическое образование под руководством таких выдающихся языковедов, как А. А. Шахматов и Е. Ф. Карский, и имел высокую репутацию как опытный и квалифицированный лингвист среди белорусской интеллигенции того времени.

«Белорусская грамматика для школ» Б. Тарашкевича, безусловно, внесла значительный вклад в установление стабильности нормы белорусского литературного языка в начале XX в. Тем не менее необходимо уделить внимание не только тому, что такой результат был достигнут уместностью или относительной правильностью грамматической и орфографической норм, предложенных Б. Тарашкевичем, но и тому факту, что данная работа послужила поводом к тому, что многие пользователи письменного белорусского языка добровольно поддержали единую языковую норму и начали использовать белорусский язык последовательно в соответствии с данной нормой. Сформировать такое добровольное «соглашение» между людьми было бы чрезвычайно трудно, особенно на территории Беларуси в начале XX в., где еще не существовало национальное государство, которое могло бы заниматься массовым распространением белорусского литературного языка среди жителей. Учитывая такие обстоятельства, можно утверждать, что «Белорусская грамматика для школ» Б. Тарашкевича сыграла важную роль не только в унификации грамматической и орфографической норм белорусского языка, но и, с точки зрения языковой практики, в объединении белорусской интеллигенции.

Літэратура

- Германовіч 1994 — *Германовіч І. К. Тарашкевіч Браніслаў Адамавіч // Беларуская мова: энцыклапедыя / Пад рэд. Б. І. Сачанка і інш. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. С. 558–559.*
- Жураўскі 1993 — *Жураўскі А. І. Праблемы норм беларускай літаратурнай нормы. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.*
- Жураўскі, Прыгодзіч 1994 — *Жураўскі А. І., Прыгодзіч М. Р. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы // Беларуская мова: энцыклапедыя / Пад рэд. Б. І. Сачанка і інш. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. С. 147–156.*

- Запрудскі 2008 — *Запрудскі С. М.* Беларускі і чэшскі моўны пурызм: агульнае і спецыфічнае // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XIV Міжнародны з'езд славістаў (Охрыд, 2008): даклады беларускай дэлегацыі / Пад рэд. А. А. Лукашанец. Мінск: Права і эканоміка, 2008. С. 65–78.
- Запрудскі 2013 — *Запрудскі С. М.* Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930 гады. Мінск: БДУ, 2013.
- Запрудскі 2015 — *Запрудскі С. М.* Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918–1941). Мінск: БДУ, 2015.
- Запрудскі 2017 — *Запрудскі С. М.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы (1918–1941 гг.). Мінск: БДУ, 2017.
- Каганец 1906 — *Каганец К.* Беларускі лемантар або Першая навучка чытання (Biełaruski lementar abo pierszaja nawuka czytańnia). Пецярбург: Загляне сонца і ў наша аконца, 1906.
- Карский 2006 — *Карский Е. Ф.* Белорусы Т. 2: Язык белорусского народа. Кн. 1. Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006.
- Колас 1910 — *Колас Я.* Другое чытанне для дзяцей беларусаў, Пецярбург: Загляне сонца і ў наша аконца, 1910.
- Конан 1996 — *Конан У. М.* «Гоман» («Номан») // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3: Гімназіі — Кадэцыя / Пад рэд. Г. П. Пашкоў і інш. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1996. С. 60–61.
- Крамко и др. 1968 — *Крамко І. І., Юрэвіч А. К., Яновіч А. І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. II. Мінск: Навука і тэхніка, 1968.
- Ластоўскі 1910 — *Ластоўскі В.* Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня: Друкарня Марціна Кухты, 1910.
- Ляхоўскі 2010 — *Ляхоўскі У. В.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.). Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010.
- Мечковская 1998 — *Мечковская Н. Б.* Зачем одному народу две азбуки? (Кириллица и латинка в коллизиях белорусского возрождения) // *Slavia Orientalis*. 1998. 47 (2). С. 277–292.
- Первая Всеобщая перепись... 1897 — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Вып. 4: Виленская губерния. Тетр. 3 (последняя); Вып. 5: Витебская губерния. Тетр. 3 (последняя). СПб., 1904; Вып. 11:

- Гродненская губерния. СПб., 1904; Вып. 22: Минская губерния. СПб., 1904; Вып. 23: Могилевская губерния. СПб., 1903.
- Семенюк 1990 — *Семенюк Н. Н.* Норма // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Б. Н. Ярцева и др. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 337–338.
- Тарашкевіч 1918 — *Тарашкевіч Бр. А.* Беларуская граматыка для школ. Вільня: Друкарня М. Кухты, 1918. (*Taraškievič Br. A.* Bielaruskaja hramatyka dla škol. Wilnia: Drukarnia M. Kuchty, 1918.)
- Токарев 1992 — Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / Сост. Н. В. Токарев. Минск: Навука і тэхніка, 1992.
- Успенский 1987 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München: Verlag Otto Sagner, 1987.
- Усціновіч 1994 — *Усціновіч Г. К.* «Наша ніва» // Беларуская мова: энцыклапедыя / Пад рэд. Б. І. Сачанка і інш. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. С. 384–386.
- Цётка 1906 — *Цётка.* Першае чытанне для дзетак беларусаў, Пецярбург: Загляне сонца і ў наша аконца, 1906.
- Шакун 1984 — *Шакун Л. М.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Універсітэцкае, 1984.
- Шакун 1994 — *Шакун Л. М.* «Беларуская граматыка для школ» Б. А. Тарашкевіча // Беларуская мова: энцыклапедыя / Пад рэд. Б. І. Сачанка і інш. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. С. 81–82.
- Шахматов 1999 — *Шахматов А. А.* О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию / Публ. О. В. Никитина // Московский журнал: История государства Российского. 1999. 9. С. 21–28.
- Юркевіч 2014 — *Юркевіч А.* Беларускае навуковае таварыства ў Вільні: хроніка дзейнасці ў 1918–1944 гг. // Arche. 2014. 7–8. 2014. С. 195–222.
- Янкоўскі 1978 — *Янкоўскі Ф. М.* Беларуская мова: выданне трэцяе, дапрацаванае. Мінск: Вышэйшая школа, 1978.
- Bieder 2015 — *Bieder H.* Weißrussland unter deutscher Militärverwaltung im Ersten Weltkrieg (Sprach- und Kulturpolitik im Gebiet „Ober Ost“ in den Jahren 1915–1918) // Studia Białorusinistyczne. 2015. 9. S. 217–235.

- Bunčić, Antipova 2016 — *Bunčić D., Antipova A. Catholic and Orthodox Belarusian // Biscrptality: A sociolinguistic typology / Ed. by D. Bunčić, S. L. Lippert, A. Rabus. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2016. P. 158–167.*
- Ferguson 1959 — *Ferguson Ch. A. Diglossia // Word. 1959. 15 (2). P. 325–340.*
- Fishman 1967 — *Fishman J. A. Bilingualism With and Without Diglossia; Diglossia With and Without Bilingualism // Journal of Social Issues. 1967. 23 (2). P. 29–38.*
- Liulevicius 2000 — *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.*
- Łuckiewiç 1917 — *Łuckiewiç A. Jak prawilna pisać pa biełarusku. Wilnia: Drukarnia biełaruskaj časopisi „Homan”, 1917.*
- Pačobka 1918 — *Pačobka B. Hramatyka biełaruskaj mowy. Wilnia: Drukarnia „Homan”, 1918.*
- Romaine 2001 — *Romaine S. Multilingualism // The Handbook of Linguistics / Ed. by M. Aronoff, J. Rees-Miller. Oxford: Beackwell, 2001. P. 541–556.*
- Wexler 1971 — *Wexler P. Diglossia, Language Standardization and Purism: Parameters for a Typology of Literary Languages // Lingua. 1971. 27. P. 330–354.*
- Wexler 1979 — *Wexler P. The Rise (and Fall) of Modern Byelorussian Literary Language // The Slavonic and East European Review. 1979. 57 (4). P. 481–508.*

Сиори Киёсава: kiyosawa.shiori@slav.hokudai.ac.jp